

Прожив две жизни, Тан Чжао всегда появлялась перед людьми в мужском облике. Особенно перед Минда — это был первый раз, когда она сама призналась в своём истинном поле. Произнеся это, Тан Чжао на мгновение почувствовала сложную гамму эмоций, а затем, опасаясь, что Минда не поверит, осторожно взяла её руку и прижала к своей груди.

Одежда и манера поведения Тан Чжао ничем не отличались от мужских, и она выглядела как молодой человек с приятной внешностью и мужественностью, но её грудь была мягкой. Минда, прикоснувшись к ней, ощутила мягкость, что подтвердило её слова, но больше всего её поразило сердцебиение, чётко ощущаемое под ладонью... «Тук-тук», ритмичное и сильное.

Неожиданно для себя Минда почувствовала, как у неё защемило в носу, а глаза наполнились слезами.

Тан Чжао, увидев это, испугалась и спросила:

— Что с тобой? Почему ты вдруг плачешь?

Минда моргнула, её длинные ресницы стали влажными, но сама она выглядела растерянной:

— Я не плачу.

Но едва она это произнесла, как по её щеке скатилась слеза, словно опровергая её слова. Тогда она смущённо добавила:

— Наверное, это от боли.

Тан Чжао почувствовала ещё больше жалости и, вытирая её слёзы, вдруг достала из рукава зелёного травяного кузнечика и протянула его Минда:

— Это твой Атин передал тебе. С ней всё в порядке, она сказала, чтобы ты хорошо лечилась.

Минда взяла кузнечика. Он был явно свежим, только что сплетённым.

Когда-то Сун Тин дарила Минда множество таких кузнечиков — ничего ценного, но сделанных своими руками. Маленькая принцесса, несмотря на своё высокое положение, ценила такие подарки больше, чем драгоценности. Взяв кузнечика, она сразу узнала, что он был сделан руками Сун Тин.

Минда бережно провела пальцами по кузнечику, а затем, подняв глаза на Тан Чжао, снова выглядела растерянной. Прежде чем Тан Чжао успела спросить, что случилось, маленькая принцесса неуверенно произнесла:

— Атин?

Тан Чжао замерла, смотря на неё с удивлением, что только подтвердило догадки Минда.

Минда сама не могла объяснить, почему, проснувшись, она почувствовала, что Тан Чжао кажется знакомой. Получив кузнечика, в её сердце зазвучал голос, напоминающий, что перед ней тот, кого она так ждала. Она медленно подняла руку, чтобы прикоснуться к лицу Тан Чжао, ощутив теплоту и мягкость настоящего лица, и снова спросила:

— Атин, почему ты так изменилась?!

Тан Чжао онемела, глядя на Минда с ещё большей сложностью в глазах, и через некоторое время спросила:

— Как ты меня узнала?

Минда ответила, как будто это было само собой разумеющимся:

— Ты подарила мне кузнечика, я его узнала. Ты его сплела.

Тан Чжао не могла объяснить Минда, почему она стала такой.

Не только внешне — она помнила, что десять лет назад, когда Сун Тин была жива, маленькая принцесса не знала, что она переодевается в мужчину. Но теперь, когда она сказала это, Минда приняла это так легко.

Если бы она призналась Минда десять лет назад, приняла бы она это так же?

Неожиданно Тан Чжао подумала об этом, но затем отбросила свои нереальные мысли — время прошло, и думать об этом было бессмысленно, да и тогда это не имело бы большого значения.

Игнорируя вопрос Минда, Тан Чжао продолжила ухаживать за ней, накормив её рисовой кашей. Когда Минда немного насытилась, она снова начала обрабатывать её раны.

Маленькая принцесса, держась за одеяло, покраснела:

— Я, я, может, я сама сделаю.

Тан Чжао, держа в руках лекарства и бинты, смотрела на неё с укором:

— Но ты не умеешь.

Затем добавила:

— Теперь мы обе женщины, тебе не о чем беспокоиться, просто представь, что это слуга помогает тебе.

Минда не сразу согласилась, а вместо этого, кажется, о чём-то подумала, и её щёки покраснели ещё больше. Через некоторое время она наконец решилась и медленно отпустила

одеяло:

— Ну, тогда давай.

Тан Чжао не стала углубляться в мысли Минда, да и не могла их понять. Даже если десять лет назад она знала маленькую принцессу лучше всех, сейчас Минда была просто человеком, потерявшим память, а не той, что была в прошлом.

В голове Тан Чжао мелькало множество мыслей, но внешне она сохраняла спокойствие. Она положила лекарства и бинты рядом и начала расстёгивать одежду Минда, делая это с лёгкостью, ведь именно она и переодевала её. Но когда она дошла до нижнего белья, обнажая кожу, Минда вдруг положила руку на её руку.

Тан Чжао остановилась и посмотрела на неё. Минда, всё ещё красная, но с серьёзным выражением лица, пристально смотрела на неё:

— Атин, ты женишься на мне?

Горло Тан Чжао перехватило, и она не знала, что ответить, пытаясь высвободить руку, но Минда не отпускала.

Маленькая принцесса упрямо смотрела на неё, краска с её лица постепенно сходила, и она повторила:

— Атин, ты женишься на мне?

Тан Чжао закрыла глаза, глубоко вздохнула и, открыв их, ответила твёрдым голосом:

— Минда, перестань. Ты же знаешь, что я женщина, как я могу на тебе жениться?

Минда слегка сжала пальцы, словно затронутая этими словами, но её колебание длилось лишь мгновение, и она снова твёрдо сказала:

— Какая разница? Главное, что это ты. С самого детства я хотела выйти за тебя замуж.

Эти слова Минда никогда не говорила раньше, и Сун Тин никогда их не слышала, но теперь они всё же вызвали в ней волнение.

Однако прежде чем Тан Чжао успела что-то сказать, Минда продолжила:

— Атин, уже поздно сожалеть. Ты уже обрабатывала мои раны и видела моё тело. Когда мы вернёмся в столицу, я попрошу отца издать указ, и ты не сможешь отказаться.

Сказав это, она наконец отпустила руку Тан Чжао и слегка улыбнулась.

Тан Чжао снова замерла, глядя на Минда, которая ничего не знала, и не знала, как сказать ей, что прошло десять лет, и её отец уже десять лет как покойный император. А теперь она больше не та беззаботная маленькая принцесса, которая могла наслаждаться богатством, капризная перед отцом и братом, — её обязанности были не меньше, чем у императора.

Заметив странный взгляд Тан Чжао, Минда осторожно потянула её за рукав и, глядя на неё, спросила:

— Атин, что с тобой?

Тан Чжао моргнула и, придя в себя, ответила:

— Ничего.

Затем она собралась с мыслями и продолжила перевязывать раны. Но когда она раскрыла одежду Минда, её рука снова остановилась, а увидев её обнажённую кожу, она почувствовала, как кровь прилила к её лицу — она сама ощущала, как её щёки и шея покраснели, и уже не могла сохранять прежнее спокойствие.

Минда, видя её смущение, протянула руку, чтобы прикоснуться к её лицу, что только усилило краску на лице Тан Чжао, и она выругалась:

— Не балуйся!

Минда, услышав это, убрала руку, обиженно:

— Но мне больно.

Тан Чжао, которая и так действовала осторожно, стала ещё более нежной, не поднимая головы:

— Если тебе больно, не двигайся.

Но Минда настаивала:

— Если я думаю о чём-то другом, боль становится меньше.

Ладно, она хотела прикоснуться к её лицу, чтобы отвлечься. Тан Чжао чувствовала себя одновременно раздражённой и умиленной. Но, видя, как Минда, спустя десять лет, снова стала такой капризной, её сердце растаяло.